

**СИ
БИ
РЬ**

Содержание

Сергей Шаргунов Гравитация Сибири	7
--	---

I Вспоминая

Алена Бабенко Мое сибирское кино	13
Татьяна Лазарева Снег	21
Иван Вырыпаев Сибирь. Другие миры	24
Андрей Филимонов Лучший вид на этот город	34
Ярослава Пулинович Город безымянных улиц	39
Роман Сенчин Моя Тува	59

II Открывая

Наталья Клевалина Духи и я	89
Ирина Богатырёва Звезды над Телецким	142
Илья Кочергин Чувствительность к географии	161
Олег Ермаков Восхождение в Сибирь	200
Василий Авченко Станция Зилово	228
Андрей Рубанов Сибирская битва с мысленным Антихристом	235

III Погружаясь

Сергей Шаргунов Сто друзей	257
Михаил Тарковский В зимнем створе	264
Дмитрий Захаров Тоннельный синдром	283
Евгений Попов Сибирь	299
Василина Орлова Проводины	308
Андрей Антипин Две реки. Две судьбы	319

Гравитация Сибири

Она очень разная, Сибирь, и книга составлена из очень разного. Но даже столь пестрый сборник не может передать огромность и многообразие той, кому посвящены эти тексты.

Сибирь — вольное и мощное торжество природы, и прежде всего через соперничество или слияние с природой проявляется история отношений людей и Сибири. Сражение с пространством и желание затеряться, раствориться, уберечь красоту.

Могущественная природа и вдохновляет, и оглушает, дает силу и смиряет масштабом.

Казачьи походы, возведение городов-крепостей, покорение и просвещение, грандиозные стройки гидроэлектростанций и заводов, борьба писателей-деревенщиков против поворота северных рек и осквернения Байкала...

Всё — единый поток судьбы.

Свобода и каторга: сюда бежали и сюда отправляли насильственно.

Писатель Михаил Тарковский, один из авторов книги, бросил столичную рафинированную среду и устремился в тайгу, к Енисею. В этом поступке, как и в его литературе, — твердая воля и ти-

хое благоговение. Другой автор, тоже москвич, Илья Кочергин отправился на Алтай, где встретил будущую жену. Теперь он пленник природы, чуткий ее выразитель, а в глазах этой пары скользит что-то таинственное, оленье.

Есть нечто, соединяющее рассказы, воспоминания, размышления... Тот надтекст, который важнее возрастов, позиций, простоты или изящества стиля. Надтекст Сибири влияет на персонажей и повествователей книги. И конечно, на всякого, кто вырос на трудной сибирской земле. Люди Сибири — упрямые люди. Просторные — в словах, деяниях, чувствах...

В Сибири живут мои родные, и давние друзья, и те, с кем довелось познакомиться в странствиях.

Новосибирский Академгородок: среди лесов подвизаются ученые мирового уровня. Вспоминаю, как бредем с математиком и химиком, оживленно обсуждая современную литературу, по «муравьиному лесу», где и впрямь на каждом шагу — здоровенные кипящие муравейники.

Вспоминаю тувинские степи с рыжими табунами жеребцов. Мы приехали сюда с уроженцем Кызыла, тоже автором этой книги, Романом Сенчиным по Усинскому тракту через горы Саяны. Маленькое и стойкое село, основанное староверами. В 1919 году, словно в летописной древности, случился монгольский набег: жгли дома, тащили в полон, рубили головы, кто-то успел бежать в лес, чтобы, вернувшись, строиться заново.

Вспоминаю купеческий и промышленный Иркутск Валентина Распутина и Александра Вампилова, разделенный реками на четыре части.

Светло-зеленый деревянный дом Виктора Астафьева в красноярской Овсянке на речном берегу.

Омская желтоватая обшарпанная пятиэтажка, в которой жил Егор Летов, будто наполненная космическим рокотом его голоса и музыки.

Вспоминаю чистейший морозный воздух алтайских Сросток: село чудиков, влюбленных в чудо. Молодой голос поющей старухи по имени Зоя, учившейся в одном классе с Василием Шукшиным:

Пришла весна, мы встретились с тобою,
Ты молод был, а я еще дитя,
Ты молод был, а я красой сияла,
Я думала, что вечно будешь мой...

И там же на Алтае — село Полковниково, где вырос космонавт Герман Титов: местные ребята мечтают о космосе, конструируют и запускают в огромное небо самодельные ракеты.

Интересно, что статный богатырь-фронтовик Алексей Скурлатов, который стал прототипом знаменитого памятника Алеше в Болгарии, жил с Титовым по соседству в селе Налобиха и однажды, еще до войны, вспахивая пашню, чуть не загубил маленького Германа трактором, привалив землей. Казалось бы, сибирская глухомань: мужик-тракторист и бегущий по полю азартный мальчишка. А уже скоро оба останутся в мировой истории: один — став легендарным солдатом, другой — прорвавшись к звездам.

Все это невыдуманное и драгоценное, то, что живет со мной, неотделимо от блеска и тумана рек и озер, стен тайги и снега, гор и степей.

У каждого Сибирь своя.

Но, не спрашивая дозволения, она все же собирает в свою тайную книгу всех, кто не только связан с нею кровно, но и хоть раз о ней заикнется.

Гравитация Сибири.

Эта книга возможна во множестве томов.

Голоса, носимые ветром по бесконечному простору.

Сергей Шаргунов

СИ
|
Вспоминая **БИ**
РЬ

Алена Бабенко

Мое сибирское кино

Первая картинка, которая возникает перед глазами, — весна, когда снег растаял и вылился лужами-морями на дороги. Я иду в школу в резиновых сапогах по колесу, кажется в синих. По пути — двор с огромной лужей еще со льдинками. Плот — это кусок отвалившегося забора. Откуда он там взялся, неизвестно. Известно только, что, когда начинали таять сугробы, чего только не найдешь посеянного в снег жителями города: бумажки, сигаретки, пакеты, тряпки, всякие части одежды, бутылки, и даже как-то мной было найдено колечко — металлическое, с голубым камешком!

Палка для переправы — ветка дерева или палка, найденная в ближайших гаражах. Так и приходишь

Алена Бабенко (род. в 1972 г. в Кемерове) — российская актриса кино, театра и телевидения, кинопродюсер. Снималась во многих фильмах и сериалах, среди которых «Водитель для Веры», «На Верхней Масловке», «Андерсен. Жизнь без любви», «О чем еще говорят мужчины», «Вертинский». Актриса московского театра «Современник» (сыграла в спектаклях «Три сестры», «Время женщин», «Пигмалион» и др.).

в школу в мокрых колготках, переобуваешься. Подумаешь! За урок высохнут — температура тела же как на солнце, тридцать шесть и шесть. В школе, помню, любила математику, физику, химлабораторию, биологию с микроскопом, перемены, физру и труд. Ну потому, что на физре весело, беззаботно, сплошные игры. Одно неприятно — все девочки в черных трусах и белых майках. Но после построения об этом забыть! Настоящий кайф — физра на стадионе за школой. Там штаны! А еще круче, когда эстафета в горсаду или — на 1 мая — по всем центральным улицам! Меня Владимир Иванович ставил на последний забег, когда ты под бурные зрительские «давай, давай!» напрягаешь все силы и последнюю стометровку чешешь как пуля по Площади Советов. А там же Ленин стоит с указующим перстом и все видит! Нельзя опозориться!

А зима — вторая картинка. Белое яркое солнце и голубые разноцветные и блестящие сугробы. Голубого больше, наверное потому, что в них отражается небо. (Вот такая сейчас, когда я это пишу, в Москве! Почти сибирская — долгая, устойчиво холодная, со сверкающим снегом.) И стандартный набор счастья: горки, горы с лыжами, каток, ледяные крыши гаражей, ледяные пещеры. Нигде никогда в жизни до сего дня я не помню такого наслаждения от процесса еды, как в детстве в Сибири зимой! Горячий беляш (ну это когда тесто обнимает котлету), купленный в ларьке, и горячий чай с сахаром — объеденье!!!

Вообще сейчас, когда я пишу о Сибири, на меня летят картинки, как снег, — их много, и они приземляются, как когда-то в детстве снежинки на варежки. Мы их ловили и старались успеть рассмотреть узоры, но они очень быстро таяли... Вот еще одна снежинка-картинка — вырезание снежинок из фольги и бумаги. Они огромные по сравнению с настоящими, но

главное, ты их сама сочинишь, правил нет! Можно круглую, квадратную, треугольную. Мне нравилось мельчить. Например, половину тетрадного листа в клеточку сложить четырежды и маникюрными ножницами проделать как можно больше дырочек, развернуть и наклеить на окно, в которое бьет солнце, и самой балдеть от того, что я натворила.

Следующий кадр — елка из соснового бора до потолка. Праздничный стол, семья и друзья семьи. Хохот, рюмка — бздынь! — оливье, и я в соседней комнате заправляю в носки пух. Это я номер придумала — смерть Лебеда из «Лебединого озера». Номер не совсем удастся, но мне хлопают, и родители, слегка подшофе, разрешают лишний кусок наполеона и не спать всю ночь! За поглощением сладкого следили строго, а наши семейные торты, наполеон и муравейник, готовились обычно только по праздникам.

Весенняя улица — следующий кадр из моего сибирского кино, наверное, потому, что за зимой весна. Но я вспоминаю лето. Ливень! И по любимому бульвару — «а вода по асфальту реко-о-о-ой...» Я мчусь и шлепаю босыми ногами по лужам, не думая о битом стекле или мелких камушках, мокрая насквозь и одна! Ну потому, что все попрятались под козырьками, и я не понимаю, почему же так весело! А в лужах-морях червяки, я их боюсь и думаю: «Жалко, папы нет со мной, они бы ему пригодились для рыбалки».

Весенняя улица заканчивалась памятником героям-кузбассовцам и набережной. У памятника всегда солдатики и вечный огонь, а набережная — боже!!! Всего не рассказать про это мое любимое место в городе. Зима — «извоз», весна — романтика и зарница, лето — велики и пляж, осень — сбор ранеток с папой и еще кафе-мороженое «Уголок», где мы с одноклассницей Леной Могутовой съедали по пятьсот грамм мороженого на спор, не жалея последние гроши.